

Бубнова И.А.

**МОРАЛЬ VS НРАВСТВЕННОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА:
СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ[©]**

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Одинцовский филиал),
Россия, Москва, aribubnova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблеме содержания моральных и нравственных ценностей в сознании молодых представителей российского социума. Система данных ценностей рассматривается как форма духовной культуры, ключевой фактор, который на глубинном уровне обуславливает самоидентификацию личности, а на внешнем уровне проявляется в выборе модели поведения в конкретной ситуации. Проведенный с целью выявления актуального содержания данных ценностей в сознании группы испытуемых эксперимент показал, что оно: 1) не вполне соответствует моральным ценностям, декларируемым на государственном уровне, 2) сближается с ценностями американского общества, шире – англосаксонской цивилизации, 3) соответствует построению жизненной траектории, направленной на личные достижения и гармонизацию отношений с окружающим миром без глубокой вовлеченности в проблемы других людей. Делается вывод о том, что результатом принятия моральных и нравственных ценностей, характерных для иной, в данном случае – американской, культуры вполне может быть изменение культурной самоидентификации жителей России и, соответственно, основ русской цивилизации.

Ключевые слова: ценности; мораль; нравственность; цивилизация; самоидентификация.

Поступила: 15.07.2025

Принята к печати: 08.09.2025

Bubnova I.A.

**Morality vs Ethics of modern Russian society:
the specifics of the content and the civilizational risks[©]**

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch),
Russia, Moscow, aribubnova@gmail.com*

Abstract. The paper focuses on the content of moral and ethical values in the consciousness of young members of the Russian society. The system of these values is considered a form of spiritual culture, the key factor that inherently determines self-identification of a person, and manifests itself in the choice of behavior patterns in a specific situation. The experiment aimed at identifying the actual content of these values in native speakers' consciousness has shown that it: 1) does not fully replicate the moral values declared at the state level; 2) closely linked to the values of the American society, or broader, Anglo-Saxon civilization; 3) corresponds to the outlook aimed at personal achievements and harmonizing relations with the outside world without involvement in other people's affairs. The conclusion is drawn that the adoption of moral and ethical values which are typical for another culture may result in a change in the cultural self-identification of people living in Russia and, consequently, reformatting the foundations of the Russian civilization.

Keywords: values; morality; ethics; civilization; self-identification.

Received: 15.07.2025

Accepted: 08.09.2025

Введение

Прошло уже более трех десятилетий с момента публикации знаменитой работы С. Хантингтона, в которой выдвигалась гипотеза о том, что важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой [Huntington, 1993], а глобальные ключевые столкновения будут развертываться между цивилизациями – культурными общностями наивысшего ранга, представляющими самый широкий уровень культурной идентичности, который и определяет субъективную самоидентификацию человека [ibid.].

То, что в конце XX в. было лишь научной догадкой, сегодня стало реальностью: уже подлинные столкновения цивилизаций, которые невозможно отрицать, доминируют в глобальной политике, становясь источниками многочисленных военных конфликтов,

идущих в различных уголках мира и широко обсуждаемых как в официальных СМК и в социальных интернет-сетях, так и на различных политических, экономических и научных форумах. Но за открытыми столкновениями, происходящими на микроуровне, идет иной, более скрытый процесс: на макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, стремятся навязать и утвердить свои ценности, что, как предполагал С. Хантингтон, может привести к изменениям культурной самоидентификации людей и, как результат, к изменениям состава и границ той или иной цивилизации [Huntington, 1993]. Именно этот тезис вызывает оживленные дискуссии в среде исследователей, работающих в различных научных областях, и именно он, как представляется, является одним из наиболее интересных и перспективных предметов исследования в рамках психо- и этнопсихолингвистики.

Мораль и нравственность как формы духовной культуры

Фундаментом любой цивилизации является ряд объективных черт: язык, хранящий культурное наследие этноса; его история, составляющая «душу нации», тот «главный капитал, на котором основывается национальная идея» [Ренан]; религия и обычаи, уходящие своими корнями в родовое прошлое и народную культуру; общественные институты. Совокупность этих источников, в свою очередь, обусловливает мораль и нравственность того или иного народа, которые, являясь важнейшими факторами формирования человеческого мировоззрения, становятся основой системы индивидуальных смысложизненных ориентаций, служат ориентирами для постановки целей, способов их достижения и, в конечном итоге, не только детерминируют жизнь социума и государства на каком-либо этапе его существования, но и зачастую предопределяют путь развития той или иной цивилизации.

Ключевое, на наш взгляд, значение имеет тот факт, что в большинстве философских и психологических концепций, посвященных сущности морали и нравственности как основных этических категорий, регулирующих поведение человека, проводится четкое различие между данными феноменами.

Моральные ценности определяются как «система миропонимания человека, содержащая оценку всего существующего с позиций *добра* и *зла*, понимания счастья, справедливости и любви, позволяющая установить связь поступка человека с общепринятой

системой социальных ценностей» [Философский ...]. Таким образом, основное свойство морали – ее обусловленность принципами существования социума, и, следовательно, прямая зависимость от идеологии общества в конкретный период его развития. Эти принципы закреплены в определенном кодексе, используемом в качестве эталона для оценки поведения личности. Иначе говоря, мораль представляет собой некую форму общественной воли, служащую для ориентации человека и регуляции его поведения в человеческом коллективе [Поликанова, 2014], которая изначально является внешней, и только в процессе социализации, в полном соответствии с культурно-исторической теорией Л.С. Выготского, интериоризируется в сознании личности.

Традиционно к основным моральным ценностям относят *жизнь, добро, любовь, справедливость, семью, ответственность, милосердие, терпимость, патриотизм, честность, трудолюбие, уважение к старшим, достоинство, права и свободы человека, гуманизм*. Список моральных ценностей, опубликованных в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ насчитывает 17 позиций и, повторяя в целом стандартный, учитывает ценности, декларируемые на государственном уровне. В него вошли такие понятия, как *жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России*. В отличие от России, важнейшими ценностями американцев являются *равенство возможностей (equality of opportunities) и равенство (equality), чувство независимости и самодостаточности (independence and self-sufficiency), независимость и индивидуализм (independence and individualism), деньги и хорошее знание английского американского языка (money and good American English), трудолюбие (hard-work), скромность в запросах*

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

(*modesty in needs*), *самостоятельность (self-supporting)*, *стремление к духовному самоусовершенствованию (aspiration to spiritual self-improvement)*, *эффективность (efficiency)*, *свобода (liberty)* от жесткой принадлежности к определенному классу, *самосовершенствование (selfimprovement)*, в том числе *совершенствование путем помощи другим людям (to improve oneself by helping others)*, а также *самодисциплина (self-discipline)* [Яковлева, 2009].

С одной стороны, очевидные различия между этими списками еще раз демонстрируют зависимость морали от требований государственных и общественных институтов, с другой – все перечисленные ценности отражают существующий в том или ином культурном сообществе идеал нравственного совершенства, определяемый фундаментальными и взаимообусловливающими этическими категориями «добро – зло», представляющими собой всеобщую и всеобъемлющую смысловую установку, регулирующую жизнь отдельного человека и организацию всего социума. Как подчеркивает В.С. Стёпин, само наличие данных идей, а также способ их передачи в процессе воспитания в коллективе, их концептуализация и вербализация в виде одобряемых обществом моделей поведения, обеспечивающих удовлетворение базовых и вторичных потребностей, позволяет определять данную оппозицию как культурную универсалию, содержание которой обусловлено определенными нравственными нормами [Стёпин, 2001].

Мысль В.С. Стёпина перекликается с идеями, высказанными в свое время С.Л. Франком, отмечавшим, что поступки и воля «подчинены не одному, а двум разным законодательствам, которые по своему содержанию значительно расходятся между собой...» [Франк, 1997, с. 81]. Подобные взгляды можно найти и в трудах И. Канта [Кант, 1995] и Г.В.Ф. Гегеля [Гегель, 1994], определявших нравственность не просто как прямой регулятор поведения человека, но как внутренний голос совести, непосредственно зависящий от степени развития духа. И здесь важно особо отметить, что, в отличие от морали, по мнению многих выдающихся философов, социологов, культурологов, психологов, нравственность как основа человеческого существования – более древний феномен. Он коренится в самой природе человека [Фромм, 1992] и зарождается еще в эпоху родового общественного строя [Леви-Стросс, 1994] из органической потребности человека как *homo sapiens* обрести смысл и цель жизни, его стремления к самосовершенствованию [Соловьев, 1990]. Именно это качество, позволяющее личности самореализоваться, как замечает

И. Ильин, «не во вред себе и людям» [Ильин, 1993, с. 31], представляет собой ту особую область, где личность, «поднимаясь над уровнем соматического и психического, вступает в сферу чисто человеческого. Эта сфера образована новым измерением, ноэтическим измерением духа» [Франкл, 1990, с. 130].

Иначе говоря, несмотря на тот факт, что и мораль, и нравственность являются формами духовной культуры, моральное самосознание, как правило, рассматривается как феномен общественный, как система исторически сложившихся и общепризнанных представлений о должном, базирующаяся на ценностях, рассматриваемых сквозь призму добра и зла, которая усваивается ребенком в процессе деятельности (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев). Нравственность, в свою очередь, есть особая духовная способность личности, ее стержень, отсутствие которого ведет к разрушению всей системы морально-нравственных ценностей и духовному кризису [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 585]. И именно она как интегральное качество личности отвечает за восприятие некой ситуации как ситуации *добра* либо *зла* и позволяет индивиду в процессе рефлексии сделать осознанный выбор модели поведения.

Фундаментальное отличие нравственности от морали заключается в ее неочевидности, что, как представляется, позволяет охарактеризовать этот аспект индивидуального сознания, используя выражение В.А. Лефевра, как уровень некого «вакуума», который «глубже, чем то, что можно усвоить из культуры» [Лефевр, 2003б, с. 448], однако именно на нем «все главное и происходит, но не принимается во внимание» [там же, с. 446]. Моральные принципы декларируются открыто, но ориентиром для принятия решений становятся недоступные для постороннего взгляда нравственные убеждения, то есть этическая система, отражающая мировоззрение личности, которая, по мнению Т. Адорно, близка понятию «характер», тому, «что каждый представляет в отдельности», тому, «как каждый специфически создан» [Адорно, 2000, с. 15], хотя не вызывает сомнений, что характер личности зависит не только от психологических качеств индивида, но и от социально-культурных условий формирования личности. «Стать личностью – значит, во-первых, занять определенную жизненную, прежде всего межлюдскую нравственную позицию, во-вторых, в достаточной степени осознать ее и нести за нее ответственность и, во-вторых, утверждать ее своими поступками, делами, всей своей жизнью. И хотя эта позиция выработана субъектом, принадлежит ему и глубоко пристрастна (если не сказать – выстрадана им), по

своему объективному значению она тем не менее есть принадлежность человеческого общества, продукт и одновременно причина общественных, межлюдских связей и отношений. Поэтому точки приложения, истоки личности, ее ценность и, наконец, добрая и дурная слава о ней в конечном итоге определяются тем общественным, нравственным значением, которое она действительно является (или являла) своей жизнью» [Братусь, 1985, с. 13].

Экспериментальное исследование содержания категорий морали и нравственности в сознании студентов

В конце XX в. В.А. Лефевр в ходе исследования национальных особенностей осознания конфликта представителями американского лингвокультурного сообщества и выходцами из СССР, недавно эмигрировавшими в США, пришел к выводу, что выбор модели поведения в конфликтной ситуации зависит от личной оценки человеком соотношения добра и зла: отрицательная оценка объединения этих феноменов, которую продемонстрировали американцы, ведет к поискам компромисса, положительная, характерная для бывших советских граждан, – к конфронтации с оппонентом [Лефевр, 2003а]. Полученные данные позволили автору сделать вывод о принципиальном отличии западной и русской культур, детерминированном несходством этических систем и проявляющемся в стереотипах поведения.

Однако результаты точно воспроизведенного нами эксперимента В.А. Лефевра в аудитории российских студентов в 2025 г.¹ уже кардинально отличались от данных, полученных несколькими десятилетиями ранее самим В.А. Лефевром: в 50% случаев (три из шести вопросов) подавляющее число информантов повторило ответы американцев, в ответах на еще два вопроса мнения наших респондентов разделились практически пополам. На последний вопрос, касающийся необходимости подсказать другу на экзамене, 17,5% ответили отрицательно [Бубнова, Горохова, 2025] (табл. 1).

¹ Участники эксперимента прошли процедуру информированного согласия.

Таблица 1

Оценка соединения добра и зла современной молодежью России

Вопрос	Кол-во ответов «Да»	Кол-во ответов «Нет»
Должен ли врач скрыть от больного диагноз «рак», чтобы тот меньше страдал?	4	59
Следует ли наказывать преступников строже, чем предусматривает закон, чтобы другим неповадно было?	11	52
Можно ли лжесвидетельствовать, чтобы спасти на суде невиновного?	29	34
Следует ли подсказывать другу на экзамене?	52	11
Должен ли достойный человек в ситуации конфликта с наглецом стремиться к компромиссу?	47	16
Группа террористов захватила самолет. Есть возможность их уничтожить и не причинить вреда ни одному пассажиру. Другая возможность – сначала предложить террористам сдаться. Руководитель группы освобождения принял решение не вступать с террористами ни в какие переговоры – правильно ли он поступил?	32	31

Полученные данные позволили предположить, что нравственный идеал, закрепленный в русской культуре, для значительной части представителей русского лингвокультурного сообщества теряет отчетливость и уже не во всех ситуациях может служить ориентиром для принятия решений в конфликте.

Проверка высказанной гипотезы была осуществлена во втором (пилотном) эксперименте, целью которого являлось: 1) выявление актуальных для исследуемой группы ценностей, относящихся к морали и нравственности; 2) сопоставление содержания этических категорий «мораль» и «нравственность» в индивидуальном сознании, выявление степени совпадения декларируемых моральных ценностей и нравственных ориентиров, которыми руководствуется личность в своих действиях.

Основным методом исследования был избран направленный ассоциативный эксперимент со стандартной инструкцией: «После того, как я назову Вам ключевое слово, пожалуйста, напишите как можно быстрее любые десять слов, связанные с ключевым, приведшим Вам в голову. Внимание, ключевое слово: ценность».

Респондентами в исследовании выступили обучающиеся вуза, ранее принимавшие участие в эксперименте; они отвечали на вопросы, предложенные в свое время В.А. Лефевром. Общее количество респондентов – 63 человека, средний возраст участников – 20 лет; гендерные различия респондентов при исследовании полученных данных не учитывались.

Методологическую основу исследования составили:

- базовая идея, сформулированная в культурно-исторической теории (Л.С. Выготский), о знаке как орудии психической деятельности и средстве управления собственным поведением и поведением других;
- принципы общепсихологической теории деятельности, лежащие в основе представлений о специфике функциональных систем, обеспечивающих содержание индивидуального сознания (А.Н. Леонтьев);
- тезисы, выдвинутые А.А. Леонтьевым, согласно которым:
 - «с психологической (или психолингвистической) стороны значение вообще есть система операций, система действий...» [Леонтьев, 2011, с. 8];
 - следует разграничивать две «жизни» значений: первая берет начало в общественном сознании и является важнейшей частью второй «жизни» значения, текущей в индивидуальном сознании и неразрывно связанной с чувственностью и процессами оперирования знаками [там же].

Полученные результаты и их обсуждение

Общее количество ассоциативных реакций (AP), полученных в эксперименте, составило 630.

Прежде всего в ходе анализа результатов был составлен список первых AP, данных респондентами, включивший такие ассоциаты, как *семья 35, здоровье 7, любовь 6, деньги 1, финансовая свобода 1, материальная и эмоциональная безопасность 1, справедливость 2, я 2, религия 2, вера 1, честность 1, достоинство 1, сама жизнь 1, закон 1, доброта 1*.

Представленный список интересен в двух аспектах.

Во-первых, три первые ценности, названные нашими респондентами, повторяют три ведущие ценности, отраженные в Карте ценностей российского этноса, разработанной сотрудниками Лаборатории психолингвистики МГЛУ под руководством

В.А. Пищальниковой¹. Учитывая тот факт, что при составлении Карты на первом этапе информантам предъявлялся уже готовый список 35 ценностей, из которых необходимо было выбрать 20 наиболее значимых, а в нашем эксперименте респонденты сами называли десять ценностей, при этом многие понятия, зафиксированные в Карте, в ряду индивидуальных АР занимали второе, третье и последующие места, эти совпадения нельзя назвать случайными. И здесь важно отметить, что в течение ряда лет главными ценностями в обыденном сознании являются *семья* и *здравье*, а также *безопасность*, в том числе финансовая, при этом ни один из списков не включает в себя патриотические ценности, которые лежат в основе самоидентичности народа и являются фундаментом гражданской нации.

Во-вторых, единственным принципиальным отличием нашего списка было появление в нем АР *религия* и *вера*, интерпретация которых потребовала рассмотрения всего ассоциативного ряда слова *ценность* у респондентов, давших эти АР в первую очередь.

Испытуемый 1: *религия, семья, доброта, здоровье родных и близких, достаток, общение, путешествия, любимое дело, забота, друзья.*

Испытуемый 2: *религия, семья, порядочность, благосостояние, понимание, сострадание, благотворительность, ответственность, чистота мыслей, благочестивость.*

Испытуемый 3: *вера, семья, любовь, честность, верность, свобода, помочь другим, самореализация, путешествия, познание, рост.*

Можно было предполагать, что занимающие первое место в списке АР *религия* и *вера* будут обуславливать и последующие реакции, однако это предположение подтвердилось лишь частично. В целом полученные реакции аналогичны тем, которые дали другие респонденты: в фокусе сознания всех участников эксперимента находятся прежде всего *близкие люди, качества, проявляемые в отношении к окружающим, качество собственной жизни*. В связи

¹ Свидетельство о регистрации базы данных «Интерактивная карта базовых ценностей Российской Федерации». – URL: <https://www1.fips.ru/iiss/document.xhtml?faces-redirect=true&id=a008653fa4abe8aa426a9b44867d3f41>; Свидетельство о регистрации базы данных «База ассоциативных данных морально-этических ценностей русской лингвокультуры». – URL: <https://www1.fips.ru/iiss/document.xhtml?faces-redirect=true&id=019bbf4ea218ddf4b4e22741d51f9669>; Свидетельство о регистрации базы данных «Вербальные ассоциаты ценностей якутской лингвокультуры». – URL: <https://www1.fips.ru/iiss/document.xhtml?faces-redirect=true&id=0c8d0688bddaa35d5cc303055176b21e>

с этим открытым остается вопрос о различении в сознании испытуемых феномена *религии* как внешней формы и сферы человеческой жизни, организованной системы и общественного института и феномена *веры*, представляющей собой систему внутренних убеждений, причем не обязательно соотносящихся с определенным религиозным направлением. По крайней мере, во всех трех рассмотренных случаях связь человека с трансцендентным проявляется в такой же мере, в какой и желание строить жизнь на основе вполне светских принципов, которые обеспечивают достижение гармонии в отношениях с собой, миром и окружающими, входящими в ближайший круг.

Этот вывод косвенно подтверждается и этническими константами, зафиксированными в Карте: среди наиболее значимых ценностей жители различных российских городов (при более чем 10 000 участников эксперимента) ни разу не назвали религию, веру либо Бога в первой десятке наиболее значимых для них ценностей, что свидетельствует о малой значимости данного аспекта в жизни исследованной группы респондентов в настоящее время.

На следующем этапе нашего исследования моделировалось содержание этических категорий «мораль» и «нравственность» в индивидуальном сознании, для чего из общего числа полученных АР были выбраны реакции, относящиеся к моральным и нравственным ценностям.

В результате проведенного анализа в категорию моральных ценностей были включены *семья* 99, *честность* 15, *саморазвитие и личностный рост* 15, *свобода* 12, *доброта* 12, *образование и знания* 12, *карьера* 8, *верность* 7, *ответственность* 5, *успех* 5, *Родина* 5, *искренность* 4, *независимость* 3, *порядочность* 2, *добропроводность* 1, *честь* 1, *достоинство* 1, *традиции* 1, *ценности* 1, *просто жизнь* 1. Помимо этого, к этой категории были отнесены финансовые ценности: *деньги* 25, *финансовая / экономическая свобода / стабильность* 9, *финансовое благополучие* 7, что обусловлено оценкой сущности денег в современном мире: с точки зрения капиталистического общества и буржуазной морали деньги являются не только экономической, но и морально-нравственной ценностью, а роль денег в современном обществе «определяется в большей степени не столько их традиционной функцией – быть средством обмена, сколько целью обмена, что, как показывает практика, существенно влияет на самого человека, его отношение к целеполагающей деятельности, труду, на

формирование его ценностных ориентаций и представлений об этических нормах» [Шептун, 1999].

К нравственным ценностям, которые определяют на глубинном уровне модели поведения и жизненные цели, отнесены: *позитивный настрой 6, душевное / внутреннее спокойствие 3, дисциплина и порядок 3, стойкость характера 2, мужество 2, целеустремленность 2, чистота мыслей 2, умение напрягаться 1, напряженная работа 1, цельность 1, осознанность 1, сила 1, сила души 1, лидерство 1, экологичность 1, радость в малых вещах 1, гармония 1.*

Тщательное изучение полученного списка моральных ценностей показывает, что он значительно отличается от ценностей, упомянутых в Указе Президента. В выявленный по данным эксперимента список вошли *семья, просто жизнь, достоинство*, а также *честность, верность, искренность, порядочность и добросовестность*, которые можно рассматривать как высокие нравственные идеалы. *Свобода*, упомиаемая нашими респондентами, скорее относится с тем смыслом, который стоит за значением слова в сознании американцев, хотя, вероятно, она может быть соотнесена и с *правами и свободами человека*, упомиаемыми в числе традиционных ценностей жителей Российской Федерации, также как историческая память и преемственность поколений могут отражаться в АР *традиции и ценности*. Однако ни один из участников эксперимента не выделил такие понятия как *патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, коллективизм, справедливость* и т.д. (единственным упоминанием страны стала АР *Родина*, появившаяся пять раз). В то же время полученная модель содержания моральных ценностей в исследованной группе близка моральным ценностям, характерным для американцев, о чем свидетельствуют часто упомиаемые понятия *саморазвитие и личностный рост, свобода, образование и знания, карьера, успех, ответственность, независимость*. Если учитывать, что в это же содержание входят *деньги* и связанные с ними феномены, составляющие 7% от общего числа АР, то в итоге система моральных ценностей российских студентов оказывается еще ближе к американской.

Это предположение подкрепляется в ходе рассмотрения содержания нравственных ценностей: в полученных АР присутствует *напряженная работа, самосовершенствование и целеустремленность; внутреннее спокойствие* коррелирует с *чувством самодостаточности и осознанности; дисциплина и порядок, личная ответственность – с самостоятельностью и самодисциплиной; стойкость*

*характера, мужество и цельность – с чувством независимости;
умение радоваться малым вещам – со скромностью в запросах.*

В целом выявленные значительные совпадения в системах моральных и нравственных ценностей российских студентов и системе моральных ценностей, характерных для американской культуры, не только свидетельствуют в пользу выдвинутой в исследовании гипотезы о размыvании системы морально-нравственных идеалов русского лингвокультурного сообщества. Они могут служить и вполне логичным объяснением результатов эксперимента, в котором использовался опросник В.А. Лефевра, доказывая, что нравственные регулятивы как производные выявленных нравственных ценностей в сознании современного российского студенчества ориентированы прежде всего на индивидуальный комфорт, успех, собственную безопасность и защищенность; и жертвовать ими, как можно предполагать, личность будет готова только в экстремальных случаях.

Выводы

Подводя краткий итог проведенному исследованию, выделим следующие моменты.

1. Моральные и нравственные ценности, являясь феноменами духовной культуры, тесно связаны с самоидентичностью народа, с процессом индивидуальной самоидентификации и сохранения единства нации, в силу чего изменение их содержания является важным индикатором существующих в обществе проблем.

2. Реальное содержание системы моральных ценностей российского студенчества существенно расходится с ценностями, декларируемыми на официальном уровне, но сближается с системой моральных ценностей жителей США, шире – с ценностями англосаксонской культуры и цивилизации, что может объясняться настойчивым, целенаправленным погружением молодежи в виртуальную реальность и ведущейся десятилетиями пропагандой данных ценностей в разных типах дискурсов, в том числе мультиPLICATIONном и сказочном, ориентированном на самых маленьких граждан России.

3. Выявленное содержание системы нравственных ценностей позволяет говорить об активно формирующемся в сознании идеале поведения, нацеленного на реализацию индивидуального жизненного проекта и жизнь для себя и своего ближайшего окружения. Иначе говоря, в настоящее время характерная для русской культуры нравственность сердца, о которой писал В. Шубарт [Шубарт, 2003],

постепенно заменяется нравственностью рассудка, а личностно-нормативный мотив, лежащий в основе коллективистских действий, и альтруизм, которые были типичны для русской культуры, уступают место эмоциональному, но отстраненному сопереживанию и толерантному отношению к событиям и людям и, соответственно, новым моделям поведения.

4. Результатом принятия моральных и нравственных ценностей, характерных для иной, в данном случае – американской культуры, вполне может быть изменение культурной самоидентификации жителей России и, как следствие, изменение культурных основ русской цивилизации.

Список литературы

- Адорно Т.В. Проблемы философии морали. – Москва : Республика, 2000. – 239 с.
- Братусь Б.С. Нравственное сознание личности (психологическое исследование). – Москва : Знание. – 1985. – 64 с.
- Бубнова И.А., Горохова Д.В. Как связаны добро и зло, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры? // Политическая лингвистика – 2025. – Вып. 2(110). – С. 25–32.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – Санкт-Петербург : Наука. –1994. – 444 с.
- Ильин И.А. Путь к очевидности. – Москва : Республика. – 1993. – 430 с.
- Кант И. Критика чистого разума. – Санкт-Петербург : Наука. – 1995. – 528 с.
- Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – Москва : Республика, 1994. – 384 с.
- Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 1(13). – С. 8–29.
- Лефевр В.А. Алгебра совести. – Москва : Когито-Центр, 2003а. – 426 с.
- Лефевр В.А. Рефлексия. – Москва : Когито-Центр, 2003б. – 496 с.
- Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина, А.А. Гусейнова и др. – Москва : Мысль, 2010. – 585 с.
- Поликанова Е.П. Моральные ценности и их роль в современном обществе // Философия и общество. – 2014. – № 3 – С. 131–140.
- Ренан Э. Что такое нация. – URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml
- Соловьёв В.С. Избранное. – Москва : Советская Россия, 1990. – 496 с.
- Стёпин В.С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур / отв. ред. М.Т. Степанянц. – Москва : Восточная литература, 2001. – С. 14–41.
- Философский академический словарь. – URL: https://thematic_philosophical.academic.ru
- Франк С.Л. Реальность и человек. – Москва : Республика, 1997. – 489 с.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. – Москва : Книга по Требованию, 2012. – 366 с.
- Фромм Э. Душа человека. – Москва : Республика, 1992. – 430 с.

- Шептун А.А. Философия денег // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 180–183.
- Шубарт В. Европа и душа Востока. – Москва : Родина, 2003. – 384 с.
- Яковлева А.В. Американский образ жизни и американские ценности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 4. – С. 264–269.
- Huntington S.P. The clash of civilizations? // Foreign Affairs. – 1993. Vol. 72, no. 3. – P. 22–49. – URL: <https://unihouse.anu.edu.au/wp-content/uploads/2017/04/Huntington-1993-Clash-of-Civilizations.pdf>

References¹

- Adorno, T.V. (2000). *Problemy filosofii morali*. Moscow: Respublika.
- Bratus', B.S. (1985). *Nravstvennoe soznanie lichnosti (psihologicheskoe issledovanie)*. Moscow: Znanie.
- Bubnova, I.A., Gorohova D.V. (2025). Kak svyazany dobro i zlo, ili Menyaetsya li nravstvennyj ideal russkoj kultury? *Politicheskaya lingvistika*, 2(110), 25–32.
- Gegeļ', G.V.F. (1994). *Fenomenologiya duha*. Saint-Peterburg: Nauka.
- Il'jin, I.A. (1993). *Put k ochevidnosti*. Moscow: Respublika.
- Kant, I. (1995). *Kritika chistogo razuma*. Saint-Peterburg: Nauka.
- Levi-Stross, K. (1994). *Pervobytnoe myshlenie*. Moscow: Respublika.
- Leont'ev, A.A. (2011). Psiholingvisticheskij aspekt yazykovogo znacheniya. *Voprosy psiholingvistiki*, 1(13), 8–29.
- Lefevr, V.A. (2003a). *Algebra sovesti*. Moscow: Kogito-Centr.
- Lefevr, V.A. (2003b) *Refleksiya*. Moscow: Kogito-Centr.
- Novaya filosofskaya entsiklopediya (2005). Moscow: Mysl'.
- Polikanova, E.P. (2014). Moralnye tsennosti i ih rol' v sovremennom obshchestve. *Filosofiya i obshchestvo*, 3, 131–140.
- Renan, E. *Chto takoe natsiya*. Retrieved from: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml
- Solov'ev, V.S. (1990). *Izbrannoe*. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
- Stepin, V.S. (2001). Mirovozzrencheskie universalii kak osnovanie kultury. In V.S. Stepin. *Universalii vostochnykh kultur* (pp. 14–41). Moscow: Vostochnaya literatura.
- Filosofskij akademicheskij slovar'*. Retrieved from: https://thematic_philosopical.academic.ru
- Frank, S.L. (1997). *Realnost' i chelovek*. Moscow: Respublika.
- Frankl, V. (2012). *Chelovek v poiskakh smysla*. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
- Fromm, E. (1992). *Dusha cheloveka*. Moscow: Respublika.
- Sheptun, A.A. (1999). Filosofiya deneg. *Voprosy Filosofii*, 7, 180–183.
- Shubart, V. (2003). *Evropa i dusha Vostoka*. Moscow: Rodina.
- Yakovleva, A.V. (2009). Amerikanskij obraz zhizni i amerikanskie tsennosti. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 4, 264–269.
- Huntington, S.P. (1993). The clash of civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49. Retrieved from: <https://unihouse.anu.edu.au/wp-content/uploads/2017/04/Huntington-1993-Clash-of-Civilizations.pdf>

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле American Psychological Association (APA) 6th edition.

Сведения об авторе

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одintsovский филиал), Россия, Москва, aribubnova@gmail.com

About the author

Bubnova Irina Aleksandrovna – Doctor of Science in Philology, Full Professor, Professor at the Department of Linguistics Translation Studies at the Faculty of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Russia, Moscow, aribubnova@gmail.com